

УДК 316.74:001

ИНДУСТРИЯ ЛИМИНАЛЬНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОГО: ОГРАНИЧЕННОЕ ЗНАНИЕ ОБ ОГРАНИЧЕНИЯХ ПРОСТРАНСТВА

Голиков Александр Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социологического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

У статті аналізуються проблеми становлення індустрії лімінальності в умовах сучасного суспільства. Увага акцентується на тому, що соціальний простір як феномен, іманентний соціальному протягом всього його існування, в контексті сучасного суспільства описується не в категоріях протяжності та цільності, а в категоріях дискретності та перервності. Доводиться, що виробництво простору в сучасному суспільстві прямо пов'язане з виробництвом знання про диференційованість цього простору, а також що кордони простору виконують не тільки перформативну, але й конститутивну функцію. Пропонується висновок про можливості дослідження соціального під кутом зору його просторової оформленості.

Ключові слова: соціологія знання, соціальний простір, лімінальність, виробництво простору, кордони, межі.

В статье анализируются проблемы становления индустрии лиминальности в условиях современного общества. Внимание акцентируется на том, что социальное пространство как феномен, имманентный социальному на протяжении всего его существования, в контексте современного общества описывается не в категориях протяженности и цельности, а в категориях дискретности и прерывности. Показывается, что производство пространства в современном обществе прямо связано с производством знания о дифференцированности этого пространства, а также что границы пространства выполняют не только перформативную, но и конститутивную функцию. Предлагается вывод о возможностях исследования социального под углом его пространственной оформленности.

Ключевые слова: социология знания, социальное пространство, лиминальность, производство пространства, границы, пределы.

Article is devoted to studying of process of formation of the industry of a liminalnost in the conditions of modern society. The author focuses attention that social space, the phenomenon, immanent social throughout all its existence, for modern society is described not in categories of extent and integrity, and in categories of discretization and a preryvnost. It is shown that production of space in modern society is directly connected with production of knowledge of differentiation of this space, and also that borders of space carry out function not only performatory, but also konstitutivny. The conclusion about opportunities of research social at an angle is offered to its spatial completeness.

Keywords: sociology of knowledge, social space, liminality, production of space, borders, limits.

В [4] при анализе процессов транспарентизации социального мы обращали внимание на то, что модерн как способ конституции человеческого взаимодействия и как порождающий принцип социального характеризуется резким ростом «индустрии единства»¹. Целая отрасль деятельности людей нами обозначалась как индустриальное производство солидарности в модерне, индустрия единства и «вероятности коммуникации» (в противовес Н. Луману) – от школы до кинематографа, от технических стандартов и регламентов до постройки многоквартирных домов.

В противоположность этому крушение современного проекта приводит на наших глазах к становлению, как мы указывали, «индустрии лиминальности». Под таковой мы понимаем индустриальное, массовое² производство границ и разграничений как на вещном уровне (металлические двери, стеклопластиковые окна, еврозаборы, частные дома), так и на знаково-символическом уровне («индивидуализированные» товары, вещи, услуги, статусы, практики, роли и т.п.). Причём наличие

© Голиков А. С., 2014

¹ И в качестве таковой мы приводили примеры постройки дорог, общежития, единой культуры хотя бы на определённой территории, выработка универсальных кодов, поиски единого языка, эсперантизация международных стандартов.

² Что парадоксально для производства границ, пределов и порогов – о различении этого мы планируем говорить ниже.

границ, системное свойство общества как системы, воспринимается акторами как собственная потребность и вовсе не осознаётся как способ транспарентизации социального системой³. Но поскольку эта лиминальность продуцируется по правилам и инструментами индустриального производства, то оказывается, что, дифференцируя отдельных индивидов (акторов, субъектов, агентов)⁴, индустриализированная пограничность при этом остаётся прозрачной для самой системы – как мы уже указали, системы не столько социальной, как это уточнил бы Н. Луман, сколько гетерогенной по своей сути, а, следовательно, «разнотканевой» по своей структуре.

Эта проблематика вполне адекватно рефлексирована самой социологией и социологами: «С тех пор, как существует социология, она занимается дифференциацией». Это понятие «подразумевает единство (или производство единства) различного» [6, с. 7]. Впрочем, этот интерес является достаточно узким и специфично социологическим. Как указывал Джон Урри, «что касается пространственного (the spatial), то социология в основном уделяла недостаточное внимание тому, что социальные практики оформлены пространственными паттернами (spatially patterned), которые оказывают на эти практики серьезное содержательное воздействие» [10, с. 71]. При этом пространственная оформленность практик, идентичностей, культурных различий становится всё более очевидной. Как указывал Мишель Вевьерка, с конца 1960-х годов во всем мире наблюдаются две главные тенденции проявления культурных притязаний. Чаще всего (хотя не всегда) они проявлялись двумя различными путями: либо как «выражение различий во всех областях, принявших форму новых (или оживших) культурных вызовов, требующих публичного признания актора, ассоциируемого с ними» [2, с. 15] (и тут Вевьерка приводит в качестве примера этнические или региональные движения, которые иногда претендуют на название «национальных»), либо как «сочетание социальных требований с требованиями именно культурного признания... культурное различие отстаивают акторы, подвергшиеся глубокой эксклюзии, жертвы социальной несправедливости, переживающие сильные формы неравенства» [2, с. 15].

Итак, очерченная нами проблематика является не только гносеологически, но и политически актуальной. Однако её разработка остаётся либо в пределах зиммелевской традиции (представленной на постсоветском пространстве А.Ф. Филипповым и – в меньшей степени - Л.Г. Иониним), либо в бурдьевистском стиле⁵, либо в метафорическом духе. Так, в предисловии к книге Дж. Урри «Мобильности» утверждается: «В числе метафор, к которым обращается Урри, — путешествие, поток, граница, сеть, номады, туристы» [9, с. 17]. Иначе говоря, один из наиболее авторитетных и известных социологов современности рассматривается границу лишь как метафора в ряду других метафор.

Именно поэтому целью данной статьи мы считаем выявление особенностей становления индустрии лиминальности и её роли в конструировании как специфического социального порядка, так и релевантного ей знания.

В теоретико-методологическом плане мы будем исходить из самых разнообразных синтетических теорий, среди которых особо нужно выделить теории Пьера Бурдьё, Никласа Лумана и Энтони Гидденса.

В частности, Луман, которого иначе как «социолог дифференциации» не называют, напоминает, что интеграция есть «не что иное, как уменьшение степеней свободы частных систем, и эти степени свободы определяются внешними границами общественной системы и отграниченного тем самым внутреннего окружающего мира этой системы» [6, с. 14]. Иначе говоря, границы становятся не только способом конституирования системы, но и инструментом ограничения свободы частных систем. Эти ограничения свободы выстраиваются по-разному, разные степени свободы детерминируются разными системами, вследствие чего границы становятся местом встреч и столкновения разнонаправленных и специфичных сигналов: «На оперативном уровне общественная дифференциация требует постоянной сигнализации о различиях... кроме того, гарантируемый чужакам особый статус связан с коммуникацией относительно границ... С тем большим основанием в коммуникации функционально

³ Обратим внимание, что здесь наш исследовательский дизайн заставляет вступить в ещё одну дискуссию с Н. Луманом в том, что социальное и система могут быть противопоставлены друг другу. Здесь, вероятно, дело как в нормативности немецкой теории, так и в том, что мы не рассматриваем (см. начало данной работы) социальное как универсальное и унифицированное, а, следовательно, социальное может быть представлено не в образе тотальной системы коммуникаций, а в виде констелляции с дифференцированной плотностью коммуникаций, во многих своих фрагментах не обладающей системными свойствами.

⁴ Следовательно, обеспечивая детранспарентизацию их непосредственного (взаимо)действия, лишая их способности к непосредственному взаимодействию, вторгаясь в него и гарантируя себе невозможность коммуницировать без посредника для акторов.

⁵ Что несёт некоторые ограничения, которые, в частности, блестяще уловил Бруно Латур.

дифференцированного общества должны учитываться точки зрения упорядочивания и отграничения» [6, с. 16-17].

Иначе говоря, граница в теории Лумана становится конституентным для социального феноменом: «Само понятие системы обозначает различие между системой и окружающим миром» [6, с. 23]. Однако Н. Луман в силу амбициозности и глубины своего теоретического замысла не поставил себе целью теоретически отдифференцировать границы – эмпирический продукт процесса дифференциации. Тогда как можно предположить, что граница может быть не только границей-системы-и-внешней-среды на макроуровне, но и способом бытия микроагентов. Иначе говоря, граница может существовать не только в виде объективного факта⁶, но и в виде субъективного знания о ней, и тогда такая граница получает шанс быть окрашенной. Более того, такая граница получает шанс быть доконструированной действиями самих микроакторов.

В силу этого мы предполагаем, что в классе социальных феноменов границ можно выделить особый феномен под названием «лимен», от которого и происходит, собственно, изучаемая нами индустрия лиминальности.

Напомним, что лиминальность (от лат. *līmen* — порог, пороговая величина) – это метафизический термин, обозначающий «пороговое» или переходное состояние.

В антропологии и этнографии лиминальность была особо выделена как инструмент изучения ритуалов перехода – в другую статусную группу (дети-подростки), смена специфично социального (братский союз, избрание нового вождя в племени) и т.п. Как указывает Виктор Тэрнер [8], все обряды перехода отмечены тремя фазами: разделение (*separation*), грань (*mango*, или *limen*) и восстановление (*reaggregation*).

Первая фаза подразумевает открепление от занимаемого ранее места в социальной структуре. Вторая — собственно «лиминальный» период — является промежуточной, поскольку агент получает черты двойственности или «лиминальной персональности». При этом он демонстрирует амбивалентность, не укладываясь в рамки каких-либо классификаций состояния и положения. Лиминальность в различных мифологемах и категориях мышления часто уподобляется смерти, утробному существованию, невидимости, темноте, двуплостности, пустыне, затмению солнца и луны и т.п. В третьей, восстановительной фазе «переходящий» вновь обретает стабильное состояние и получает права и обязанности «структурного» типа, соответствующего обычным нормам и стандартам.

Как указывают современные источники, лиминальность подразумевает изменение: социального статуса, ценностей и норм, идентичности и самосознания, осмысления и понимания, сознания, языковой практики [7]. Именно поэтому данный феномен особенно интересен применительно к осмыслению процессов, происходящих в трансформирующемся обществе. Сама социальная жизнь предстает в качестве тотальной лиминальности практически для всех, для каждого индивида и любой общности.

Иначе говоря, под лиминальностью здесь и в дальнейшем мы будем понимать не границу как таковую, и не пребывание на ней. Лиминальность есть состояние границы-как-порога, границы, через которую необходимо переступать, границы, бытийствующей не только на макроуровне как социальная фактичность, но и в микроагентном восприятии. Расчерченность социального пространства границами ещё не свидетельствует о её тотальной лиминализированности, точно так же как не любая граница воспринимается как преграда и как предел, что мы и покажем ниже.

В целом границы являются конститутивным моментом социального, оформляя (говоря на языке Г. Зиммеля) знание о сущности и содержании человеческой жизни. При этом необходимо разделять пределы, границы и лимены. Как мы уже указывали, границы и лимены отличаются спецификой знания и погружённости агентов на микроуровне в их функционирование. Как показывает социальная практика (и реакция большого количества жителей Украины на актуальные политические события – в особенности), граница способна обретать иные модусы своего социального бытия, превращаясь в залог единства общности, в символ гражданства, в образ идентичности и так далее. Каждая из этих нагрузок приближает границу к лимену.

И, нужно заметить, именно о лиминальной границе говорил Пьер Бурдьё, иронично напоминая нам, что «нет ничего более сложного, чем выйти из овеществлённого социального пространства, чтобы осмыслить его именно в отличие от социального пространства» [1, с. 53]. Безусловно, пространство, пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаём, является «социально размеченным и сконструированным» [1, с. 54], однако эта социальная разметка далеко не всегда трансформирует статус

⁶ По Н. Луману, фильтрующего различные коды, отделяющего систему и внешнюю среду.

границы в лимен⁷. Лишь при «подключении» к социологически объективно существующей границе личностной экзистенции, порядка материального тела и т.п. возникает лимен. И именно об этом пишет Бурдье, подчёркивающий, что «неощутимое занесение в тело структур социального порядка, несомненно, осуществляется в значительной степени с помощью перемещения и движения тела, позы и положения тела, которые эти социальные структуры, конвертированные в пространственные структуры, организуют и социально квалифицируют как подъём или упадок, вход или выход, приближение или удаление» [1, с. 51].

Иначе говоря, знание о границе мы склонны понимать как знание рефлексивное и рациональное, тогда как знание о лимене и лиминальности – как знание внерефлексивное, деятельное, *практическое*. Именно поэтому мы не считаем однозначным такое высказывание Александра Филиппова: «Кажется очевидным, что в обществе (как бы ни определялось понятие общества) действуют живые люди, телесные существа, по-разному размещенные в пространстве. Поэтому пространство, о котором говорит социология пространства, — это пространство тел. А, значит, дистанции тел по отношению друг к другу, способность людей воспринимать телесное присутствие других и самих себя при помощи органов чувств не могут не играть основополагающей роли в социальной жизни» [10, с. 66]. Чувственное восприятие себя в координатах некоторых границ свойственно далеко не всем пограничным ситуациям. Рациональное и рефлексивное восприятие границ не апеллирует к тем самым чувствам, которые описаны в «Экскурсе о социологии чувств», включённом, кстати, в «Социологию пространства» Георга Зиммеля [10, с. 66], что само по себе до определённой степени индикативно.

В этом контексте индикативность полагается нами в некоторой односторонности рассмотрения границ. Зиммель редуцирует границы пространства до деятельностно⁸ значимых границ, указывая на «зрение, слух, обоняние, половое чувство» как на «полное описание социально значимых способов телесно-чувственного восприятия тела Другого» [10, с. 66-67]. Этот анализ разворачивается Гидденсом в операционализации трёх видов пространственно-временных ограничений каждодневных действий: ограничения физических возможностей (пределы, устанавливаемые физической конституцией (строением) человека); ограничения взаимодействия, которые определяют возможность людей собираться вместе в определенных местах для взаимодействия друг с другом, а также определяют «пределы вместимости», то есть ограничения на количество людей, занимающих данное пространство для определенного рода деятельности; наконец, ограничения, устанавливаемые властями и определяющиеся существующей в обществе системой власти [3]. Однако, как мы видим, и Гидденс, и Филиппов, и Зиммель апеллируют к повседневно и непроблематично очевидному пространству, пространству в феноменологическом значении. Иначе говоря, они демонстрируют обратную версию ошибки рациоредукционистов: если те объясняли действия человека как рефлексивные, рациональные и осмысленные в каждую секунду⁹, то Э. Гидденс, А. Филиппов и Г. Зиммель противоположным образом редуцируют действия субъекта до сугубо рутинных.

Операционализация и рутинное определение пространства осуществляется благодаря таким категориям, как место, граница и дистанция. Так, А. Филиппов вообще склонен синонимизировать во многих контекстах физическое пространство и дистанцию: «Очевидно, что о пространстве здесь говорится именно как о дистанции. На определенной дистанции чувства еще могут уловить нечто, но на более значительном удалении звуки, например, еще слышны, а запахи уже неразличимы» [10, с. 67]. С одной стороны, этот гносеологический ход даёт такое преимущество, как радикальная социологизация рассмотрения пространства¹⁰, с другой же – он ограничивает исследователя при анализе нефизического пространства.

Так, в анализе виртуальной социальности и виртуальной коммуникации почти мгновенное соединение людей, установление «мира без границ», внешнее оформление «глобальной экономики», «цифровых рынков», «виртуального менеджмента» приводят к ошибочному заключению, что, если в «мировом пространстве экономика работает как единое целое, то местоположение отдельных ее секторов уже не важно. Расстояния теряют значение, а значит, *поскольку не тратится время на перемещение,*

⁷ Этнографически точное наблюдение приводит в одной из своих книг Дж.Р.Р. Толкиен: его герой, пройдя уже немалое расстояние, внезапно останавливается и начинает рефлексировать перед той чертой на поле, далее которой он никогда не заходил. Эта черта для него – не просто очередная межевая черта на поле, но лимен, экзистенциально и эмоционально колорированный.

⁸ И здесь мы подчёркиваем не столько корень «деятельность», сколько коннотацию с деятелем.

⁹ Что особенно характерно для веберовской и поствеберовской традиции, а также для американской социологии.

¹⁰ «А поскольку все люди, принадлежащие к одной и той же «цивилизации» (мы бы сегодня сказали: «культуре»), **понимают** пространство одним и тем же образом, то и все эти различия и разделения должны быть у них общими, а значит, включает Дюркгейм, *иметь социальное происхождение*» [10, с. 86].

пространство теряет социальную релевантность» [10, с. 16]. Это результат того, что категории анализа пространства, релевантные физическому пространству, непосредственности контакта, оказываются нерелевантными для анализа виртуального пространства (и, кстати, косвенно именно эту проблематику Пьер Бурдьё описывает в соотношении физического и социального пространств).

Схожие проблемы исследователь начинает испытывать, когда пытается «опрокинуть» пространственную проблематику, порождённую самоочевидной метафорой пространства, в политическую, экономическую и прочую сферы. Так, Джеффри Александер, по меткому замечанию А. Филиппова, «хорошо чувствующий *актуальное*», пишет, что «социальные системы существуют в реальном пространстве, поскольку они сконструированы в реальном времени и поскольку они должны исполнять функции, которые выходят за границы самой солидарности» (цит. по: [10, с. 26]). При этом осуществлённая здесь же Джеффри Александером попытка увязать теоретически острые и политически злободневные проблемы пространства и гражданского общества приводит к тому, что он отождествляет гражданское общество и абстрактное и универсалистское пространство, пространство без границ, пространство в стиле хабермасовского *Offentlichkeit*'а. Совершенно очевидным, что пространство, тотально открытое миру, пространство нео-границенное, пространство без-границенное не может существовать. Фундаментальность территории¹¹ апеллирует, в том числе, к уникальности и неповторимости каждого конкретного места и каждого конкретного пространства.

И здесь мы подходим к мысли, которую современная социология игнорирует. Как представляется, Дж. Александер имел в виду не столько граничность и безграничность, сколько предельность и беспредельность пространства гражданского общества. Тогда как границы пространства и пределы пространства – далеко не одно и то же. И этот факт выполняет радикально конститутивную и даже институентную роль для социального в широком смысле слова, а также для знания о социальном. Так, столь популярный среди исследователей феномен дистанции (особенно интимной и личностной дистанции), каковой может быть объектом посяганий, защиты и противостояний – например, «можно предложить «убраться» пристальным взглядом, в крайнем случае толкнуть захватчика локтем, – как раз описывает институентность социального пространства для отношений и знания об этих отношениях. Если расстояние слишком близкое, то человек, как правило, пытается установить что-то вроде физической границы. Например, читатель, окруженный людьми у библиотечной стойки, отделяет свое личное пространство стопкой книг» [3]. Этот феномен базируется и сепарируется не на основании пределов, но на основании границ. На том же основана концепция регионализации [там же], которая описывает зонирование социальной жизни в пространстве-времени, согласно которой современный дом регионализован на комнаты, коридоры и этажи, которые не просто «являются отдельными частями, но зонированы во времени и пространстве: гостиная и кухня используются в основном днем, спальня комнаты ночью» [3, с. 109]. Взаимодействие в каждом «регионе» ограничено и пространственными, и временными рамками. Некоторые части дома образуют «задний план», в то время как «действие» происходит в других частях. Гидденс иллюстрирует бурдьёвистский тезис, что социальное пространство конституирует, легитимирует и латентизирует себя как физическое.

Пределы, в отличие от границ и лименов, мы склонны определять как единицы структурирования пространства, которые не являются предметом рефлексивного подозрения со стороны агентов при этом конституируют нечто, в несуществовании чего не возникает ни рефлексивного, ни дорефлексивного подозрения. Иначе говоря, предел беспрепятственно и недискуссионно конституирует несуществующее, «нелиц», как писал Джордж Оруэлл, – нелиц в социологическом смысле. Предел создаёт нелица, непредметы, неявления, непроцессы. Предел социального пространства очерчивает границы существования социального, а следовательно – такового, в чём можно существовать, с чем можно взаимодействовать, что можно интерпретировать и что подлежит социальному действию. За пределом социальное не существует.

И это непосредственным образом связано с тем, что существующее за пределами – в отличие от существующего за границами – не подлежит знанию в повседневном смысле слова «знание». Ибо существующее за границами вполне социабельно с точки зрения пребывающего по сю сторону границы, вполне интерпретируемо при поправке схем восприятия, вполне социально действенно при учёте специфики схем действия и т.п. – тогда как существующее за пределами выходит и за пределы знания. Пределы пространства становятся и существуют именно как пределы знания. При этом пределы социального пространства стремятся существовать как пределы пространства физического – «на самом деле, социальное пространство стремится преобразоваться более или менее строгим образом в физическое

¹¹ В особенности той самой, которая, по Александеру, трансформирует территорию гражданского общества в особое место.

пространство» [1, с. 50], в том числе и через физическое присутствие повседневного деятеля, его знание об этом присутствии и о специфике такового присутствия.

Отметим, что тут мы не имеем в виду специалистов по изучению пределов пространства (будь это физики или социологи). Мы подразумеваем, что повседневный актер склонен уходить от пределов. Прекрасной этнографической иллюстрацией этому является вечный сакральный и даже опасный статус тех, кто находится на пределе социального пространства в архаичных текстах и в мифологическом восприятии.

Эту идею в целом поддерживает Зиммель, который, хотя и недостаточно последовательно, всё же «проводит различие между *пространством* и *местом*» [10, с. 91]. Место конституируется именно через соотнесение с другими местами, но, в первую очередь, – с системой координат пределов и границ, наложенной на социальное пространство. Простейшим образом «место социального пространства... может быть охарактеризовано через его относительное положение по сравнению с другими местами (выше, ниже, между и т.п.) и через дистанцию, отделяющую это место от других» [1, с. 50], однако такая релятивистская рутинная техника определения места свойственна далеко не каждому акту позиционирования. Абсолютистская рутинная техника – техника определения места через пределы и границы – актуализируется вновь и вновь в экстремальных, «разрывающих повседневность», непривычных, дискуссионных, сомнительных, опровергающих здравый смысл состояниях и моментах. Иначе говоря, именно такая, условно названная нами абсолютной, рутинная техника позиционирования себя в пространстве, является исходной техникой, тогда как релятивистская, описанная Пьером Бурдьё (и, безусловно, количественно доминирующая), лишь надстраивается над нею, вырастает из неё.

Граничность вырастает из того, что «человеческие существа являются в одно и то же время биологическими индивидами и социальными агентами, конституированными как таковые в отношении и через отношение с социальным пространством» [1, с. 49], а, следовательно, в физическом смысле слова безоговорочно и не оспариваемо ограничены. Социальная потенция безграничности нереализуема даже в условиях тотальной Интернет-открытости (каковая и до сих пор остаётся утопией, кстати говоря), ибо в таком случае сама ткань социальности будет трансформирована. Пространство не утратит ряд своих качеств, ибо «эти качества имеют некое причиняющее действие (влияние), у пространства появляются границы, что, в свою очередь, тоже имеет причиняющее действие» [10, с. 93], и это причиняющее действие является субстанциональным для самого общества.

В этом смысле афористичная мысль Зиммеля – «граница — это не пространственный факт с социологическим действием (*Wirkungen*), но социологический факт, который принимает пространственную форму» [5], обретает не только методологическое, но и онтологическое звучание. Тот фундаментальный факт, акцентированный всё тем же Зиммелем, что «Другой в своей цельности нам недоступен, мы «достраиваем» его из тех фрагментов, которые можем воспринять» [10, с. 107], является не просто социально-психологическим фактом, как полагали многие представители микросоциологических теорий, но и конститутивно социальным моментом – кстати говоря, эстетски перекликающимся с мыслью о недостаточности человека у социальных антропологов начала XX века и с мыслью о специфике социального согласно Х. Попитцу (об этом мы писали в одной из предыдущих работ)¹².

А это означает, в свою очередь, что структурирование пространства политическими, экономическими, культурными инструментами выполняет не только функцию расчерчивания социального пространства, но и собственно функцию создания социального в максимально широком значении. Именно об этом пишет Э. Гидденс, говоря о колонизации времени как факторе «пространственно-временного распределения повседневной деятельности за прошедший век»¹³ [3]. Именно это подчёркивает П. Бурдьё, напоминая нам, что «различия, произведённые посредством социальной логики, могут, таким образом, казаться рождёнными из природы вещей (достаточно подумать об идее «естественных границ»)» [1, с. 50], и что социальная дифференциация (в пространственном значении), объективированная в физическом мире, «функционирует одновременно как принцип видения и деления, как категория восприятия и оценивания, короче, как ментальная структура» [1, с. 51], конституирующая саму ткань социального. Именно об этом пишет Джон Урри, говоря, что «на самом деле, не только пассажиры все чаще пересекают границы, образуя новые социальные сети, определяемые не пространством, а временем, но и сами системы, которые сделали возможными эти путешествия, также перелетают из одного города в другой, превращая их в субъекты «модернизации аэропространства» [9, с. 271]. В этой мысли важна даже не

¹² Голиков О.С. Актуалізація соціального в умовах суспільства, що глобалізується: виклики кризової соціальності й теоретичні виклики соціології / Олександр Голиков // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. – Випуск 19. – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2013. – 502 с., с. 77-83.

¹³ А конститутивное значение рутины для социального в концепции Гидденса вполне очевидно.

мобилизация систем, а акцент на изменении сущности восприятия пространства и самой природы социального агентами.

Таким образом, подводя промежуточные итоги, заметим, что пространство (как социальное, так и физическое) является не местом и не субстратом существования общества, но является одним из его способов бытия. Его конститутивными (и – до определённой степени – институтирующими) элементами мы видим пределы, границы и лимены. Границы и лимены выполняют функцию инклюзии и эксклюзии (в лумановском значении слова), пределы – функцию онтологизации и деонтологизации социального.

Наш дальнейший анализ будет касаться именно специфики лименов и становления индустрии лиминальности. Так, Луман предлагает понимать инклюзию как «форму, внутренняя (инклюзивная) сторона которой характеризует как шанс на социальное признание лиц, а внешняя сторона остаётся немаркированной. Итак, инклюзия существует лишь тогда, когда возможна эксклюзия. Только существование неинтегрируемых лиц или групп высвечивает социальную сплочённость и делает возможным специфицировать условия для неё» [6, с. 35]. Однако сам Луман, анализируя статичную картину инклюзии и эксклюзии, не указывает, что отграничения (в широком смысле слова – как сумма границ и лименов) могут сущностно различаться.

В частности, мы полагаем, что именно лиминализацией социального объясняются и описываются многие актуальные тенденции и феномены.

Так, распространяющаяся и всё более становящаяся «модной» гипотеза (и в научном дискурсе, и – особенно – в политическом и повседневном употреблении) о «договорной» природе общества¹⁴ нам представляется не только индикатором индивидуализации социального в современном обществе, не только показателем краха «непроговариваемого»¹⁵, но и показателем выстраивания новых лименов. «Сегодня, - говорит по этому поводу Н. Луман, – скорее, типичны ситуации, когда приходится объяснять, кто мы такие; в этих ситуациях необходимо посылать текстовые сигналы, чтобы увидеть, насколько другие способны правильно оценивать, с кем им предстоит иметь дело» [6, с. 41]. Индустрия лиминальности функционирует не только в производстве вещей, но и в производстве дискурсом, а дискурсема «эксклюзии неконтрактного» (или неконтрактизируемого)¹⁶ в последнее время активно функционирует в производстве лиминальности. Лимены производятся между группами по убеждениям и политическими партиями, между профессиональными группами и активистами гражданского общества. Эта лиминализация предполагает выстраивание не просто границ, а порогов (преодолеваемых априори сложнее, чем обыкновенная «очерченная») граница, да ещё и, как и любой порог, несущих сакральную и в чём-то даже мифологическую нагрузку).

Иллюстрацией этого может быть коррелирующее с распространением идеологемы «контрактного общества» распространение идеологемы свободного обращения оружия. Тем самым индустрия лиминальности получает своих дополнительных агентов, которые не просто репродуцируют границы между агентами, но трансформируют эти границы в лимены, настаивая на жёсткой конституированности (и даже институтированности) этих границ.

Парадоксальным – а скорее диалектическим – образом лиминализация сочетается с демонстративной транспарентизацией. Однако точно так же, как был бы беспомощен абсолютно прозрачный человек-невидимка, так же является беспомощным и нежизнеспособным абсолютно транспарентное общество-невидимка, которое утрачивает социальную «непрозрачность» (созидаемую институтами морали, условностей и т.п. непроговариваемого – см. выше). Транспарентизация социального, параноидально требующая размещения всего и вся в прямом доступе (чаще всего в Интернет-доступе), при этом оборачивается лиминализацией, выстраиванием не просто новых границ, но и новых барьеров и порогов. Прекрасные примеры этого дают нам последние тенденции в политическом дискурсе: например, составление «списков врагов народа», деятельность в самых различных communities по определению лояльности участников этих communities; или – в более глобальном измерении – создание рейтингов, которые засчитывают странам, корпорациям, универсам реформы, показатели и т.п. Транспарентизация (каковая была манифестируемой целью рейтингизации) трансформируется в лиминализацию.

На микроуровне индустрия лиминальности, как мы указывали во введении в данную статью, противостоит индустрии производства единства. Сегодня мы наблюдаем стагнацию индустрии единства

¹⁴ Не касаясь её развечанности ещё в XIX веке, не касаясь блестящей работы «философов подозрения» (как их обозначил Поль Рикёр) – К. Маркса, Ф. Ницше и З. Фрейда, проведенной именно по поводу иллюзорности «договорности».

¹⁵ То есть того знания, которое является общим, очевидным, объединяющим членов данного общества на основании «здорового смысла» и «самоочевидностей».

¹⁶ А под таковое можно подогнать и мораль, и условности, и идеалы, и «метанарративы» Ж.-Ф. Лиотара.

(в виде производства дорог, общежитий и т.п. возможностей объединения – пространственных или социальных) и феноменально богатое и разнообразное развитие индустрии лиминальности с производством гетерогенного инструментария лиминальности (в котором можно упомянуть и пространственные инструменты – металлические двери, стеклопластиковые окна, еврозаборы, и микроагентные инструменты взаимодействия – оружие, знаковое снаряжение и т.п.). Мишель Вевьерка в данном контексте описывает феноменальность современного индивидуализма следующим образом: «Парадокс производства различий в том, что этот феномен, по определению коллективный (какой вид идентичности или культуры не является общим?), сегодня все больше основывается на современном индивидуализме – и чем дальше, тем сильнее вероятность роста различий» [2, с. 19]. При этом он уточняет, что у индивидуализма две стороны: «Или он означает участие каждого человека как индивида в бесконечном количестве способов современной жизни: доступ к деньгам, потребление, работа, образование для детей, здоровье и т.д. Или он означает, что каждый человек как индивид рассчитывает конструировать свой выбор, контролировать свою жизнь, определять собственное существование – короче говоря, выступать субъектом» [2, с. 19].

Диалектическим образом оказывается, что при этом личная социальность индивидуализированного общества растворяется в публичной. Сугубо личные акты¹⁷ транспарентизируются и деиндивидуализируются. М. Вевьерка настаивает на либеральной утопии: «...сегодня идентичности целых общностей все больше выбираются или принимаются их членами. Они уже не автоматический результат воспроизводства или наследие прошлого (по крайней мере, все в меньшей и меньшей степени). Они все больше становятся результатом очень субъективных решений индивидов, которые таким путем намерены сами конструировать смысл своих жизней» [там же]. И несмотря на это, мы можем заметить и то, что идентичности становятся результатом интенционального, инструментального, инженерного решения в конструировании социального – и прежде всего благодаря возможности воспроизводить лимены – куда более мощно действующие, куда более яркие, чем традиционные границы в социальном пространстве.

Так, именно таким лименом, в отличие от традиционной границы, мы видим стремление создать «новую украинскую социальную сеть weua.info» (а также социальную сеть druzi.org.ua «тільки для українців»), заявленную весной 2014 года в Интернете. Эта социальная сеть, таким образом, будет отделена от Интернета не обыкновенной границей регистрации (легко преодолимой и очевидной в оперировании с ней), а лименом, порогом. И эта лиминальность выкристаллизовывается не только в виртуально-пространственном, аппаратном измерении¹⁸, но и в социально-акторном измерении, свидетельством чему может быть выстраивание «новых границ» усилиями самих сторонников «либерально-договорного» мира, которые не только создают communities для общения сугубо внутри них и для обмена мнениями сугубо внутри групп единомышленников¹⁹, но и элиминируют из списка своих «подписок», «друзей» и «френдов» тех, кто выходит за границы их восприятия. Иначе говоря, они тем самым трансформируют границы своего восприятия в лимены²⁰. М. Вевьерка пытается объяснить это тем, что «выбор и изобретение коллективных идентичностей – не просто гармоничные процессы и решения, легко выполнимые. Наоборот, особенно на этапе обретения идентичностей эти процессы трудны и психологически затратны. Здесь человек, группа вовлечены в изменение негативного самоопределения и в обретение позитивной идентичности во имя самоутверждения» [2, с. 19-20], однако границы не предполагаются как ограничение возможности знать, знать в социологическом смысле, введенном и обоснованном П. Бергером и Т. Лукманом. Тогда как лиминализация пространства приводит к тому, что лимены ограничивают возможности знать. Обнаруживается, что схемы восприятия благодаря

¹⁷ Поздравления с праздниками, благодарности. Примером этому автор видит вполне типичные для современного общества билборды с надписями «Дякую, сонечко, за дитинку», признания в любви и т.п.

¹⁸ В котором, вопреки логике виртуального пространства, этнические и национальные границы реального мира накладываются на виртуальное пространство, структурируют его и ограничивают его.

¹⁹ В конце концов, о склонности спорить о политике только с заранее согласными с нами как об инерционности свойства габитуса давно уже известно.

²⁰ А в наиболее радикальном случае – и в пределы, используя практики дегуманизации, расчеловечивания оппонентов. Примеров этого в современном эмпирическом мире можно привести сколько угодно – достаточно вспомнить хотя бы активно распространившиеся в последнее время в политическом дискурсе техники номинирования оппонентов или техники их повседневного (внеполитического, внедискурсивного, неререфлексируемого) обмана, построенные на архаичной дихотомии «своих обманывать нельзя, чужих – честь».

лиминализованному пространству превращаются в схемы невосприятия, схемы игнорирования²¹, и оценка Джона Урри – «неизменные результаты работы сети могут распределяться таким образом, что региональные границы перестают быть преградой их перемещению. Вещи могут *приближаться* через сети» [9, с. 116] – становится чрезвычайно оптимистичной. Или же оправданной лишь благодаря модусу «могут».

Социальная же (равно как и гносеологическая) актуальность и даже опасность этих процессов заключается в том, что благодаря (ре)конструированию пределов и лименов (по определению более жёстких, менее проницаемых и даже более дегуманизированных, чем границы) (вос)становливаются архаичные и неархаичные идентичности (как замечают В. Волков и О. Хархордин, именно через практики и фоновые знания о них идентичности возникают и существуют), редуцируется знание (чаще всего попросту монохромизируясь, разделяясь на «чёрное» и «белое»), упрощается социальное, примитивизируются практики²², а следовательно, говоря языком Н. Лумана редуцируется система, говоря языком П. Бурдьё, уходит, существенно упрощаясь, социальное непроговариваемое. В условиях лиминализованного пространства социальное непроговариваемое объективируется в лименах, и сам факт его прохождения агентом свидетельствует для находящихся по сю сторону лимена о его «идентичности» и «лояльности» к определённому, жёсткому и узкому, своду дискурсом и идеологом. Это снижает шансы на гражданский и общественный диалог, следовательно, и на (ре)конструирование комплексного общества неархаичного типа.

Литература:

1. Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв.ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии ; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
2. Вевьерка М. Формирование различий / Мишель Вевьерка // Социологические исследования. – 2005. – № 8. – с. 13-24.
3. Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999 – 704 с.
4. Голиков А.С. Укоренённость социального в знании: пределы прозрачности и угрозы опосредования / Александр Голиков // Вісник Одеського національного університету. Серія: Соціологія і політичні науки. Науковий журнал. – Том 18. – Випуск 3 (19). – 2013. – 186 с., с. 46-52.
5. Зиммель Г. Социология пространства // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. — М., 1996. — Т. 2.
6. Луман Н. Дифференциация. Пер. с нем./ Б. Скуратов. М.: Издательство «Логос», 2006. – 320 с.
7. Проективный философский словарь. — Санкт-Петербург: Международная Кафедра (ЮНЕСКО) по философии и этике СПб Научного Центра РАН. Т.В. Артемьева, И.П. Смирнов, Э.А. Тропп, Г.Л. Тульчинский, М.Н. Эпштейн. 2002. – 297 с.
8. Тэрнер В. Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983. – 277 с.
9. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. – 576 с. – (Образ общества).
10. Филиппов А. Ф. Социология пространства. — СПб.: Владимир Даль, 2008. — 285 с.

²¹ Что в общем виде было ухвачено Пьером Бурдьё в термине «схемы оценивания», однако в современности проявляется в куда более наглядном, обскурантном и архаичном виде – в виде «политик невежества» / «политик забывания» (как это мы предлагали концептуализировать в нашем совместном с А. Г. Слободянюком исследовании), а посему мы считаем необходимым выделить это отдельным образом.

²² И хороший пример этому приводит современная виртуальная жизнь, превратившая политические и мировоззренческие дискуссии в обмен даже не ссылками на идеи, но так называемыми линками.